

МАРАТ ШАФИЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БАКИНСКОЙ ПОЭЗИИ

«Я романтику в жизни солдатской искал...»

2015 год – столетие со дня рождения Константина Симонова.

Его стихотворение «Жди меня, и я вернусь...» задело нерв эпохи. Переписанное миллионы раз, оно дарило отчаявшимся людям жизнь. По силе и мощи военные стихи Симонова сопоставимы с танковой армией.

(Вспоминается древняя легенда: когда спартанцы попросили своих союзников о помощи, греки ответили: мы не можем прислать ни большого, ни малого войска, но мы пришлём к вам певца, пусть невзрачного на вид, но который своими гимнами вдохновит вас на победу.)

За своё «Убей немца!» (стыдливо спустя годы переименованного в «Убей его!»): *«Так убей же хоть одного!/ Так убей же его скорей!/ Сколько раз увидишь его,/ Столько раз его и убей!»*) Симонов не нуждается в оправдании – само время оправдало его.

Утверждают: Симонов умер вместе с советской эпохой. Но в истории нет потерянных времён. Как только мы вспоминаем «Красную Империю», так сразу же воскресают её летописцы-поэты. Симонов воскресает каждый раз, как только в мире востребована мужская героика.

А сегодняшняя русскоязычная бакинская поэзия, сплошь женская, – в своём истоке была не просто мужской, её возглавили и вели боевые офицеры-орденоносцы: майор Иосиф Оратовский, капитан Вячеслав Зайцев, капитан Иван Третьяков, погибший в 41-ом политрук Сергей Иванов. К этому ряду надо причислить и офицеров Петра Симонова, Михаила Петракова, Станислава Савельева.

Пётр Фирсович Симонов батрачил с малых лет, беспризорничал, попал в детский дом. В 1932 году окончив техническую школу, с 18 лет слесарничал на Россельмаше, потом строил Сталинградский тракторный. Увлекающегося чтением паренька привлекли к выпуску заводской газеты, в которой, кроме очерков, печатались и первые его стихи.

Он входил в состав местного кружка пролетарских поэтов. Литературное объединение «Ростсельмаш» – ровесник известного всей стране завода. А начиналось всё с агитбригады, которой руководил худой, в штопаных шевиотовых брюках фрезеровщик Анатолий Софронов (будущий редактор всесоюзного журнала «Огонёк»). Софронов о том времени вспоминал: *«Писали мы о том, что видели, что строили и чем жили. Мы многого тогда ещё не знали и не разбирались в тонкостях поэтических направлений, но кто такой Маяковский, мы хорошо знали. Мы следовали за ним, подражали ему. Писали плакаты и сочиняли лозунги, которые развешивали в заводской проходной, в цехах, над станками. Нам хотелось работать, как Маяковский. И жить, как он!»*

С 1936 года – служба в Советской армии. После демобилизации успел поработать в газете «Красный кавалерист», в Великую Отечественную выполнял разные задания по организации обороны на Северном Кавказе. Потом – корреспондент Центрального радио (программа «Последние новости») по Азербайджану.

Жизнь на износ, в постоянных командировках – всегда жизнь короткая. Из 55 отведённых ему судьбой лет Симонов последние 10 лет жил в Баку.

Книги: «В разведке», «Среди друзей» (Ростов: 1938,1941), «Боевая линия» (Орджоникидзе, 1942), «О Родине» (Краснодар, 1947), «Два сердца» (Баку, 1958, повесть), «Железные деревья» (Москва, 1961), «Белые птицы» (Баку, 1966), «Избранное» (посмертно – Баку, 1975).

Пётр Симонов

Железные деревья

Под небесами Ленкорани
В прохладной утренней росе
Перед Талышскими горами
Они стоят во всей красе.
Привольно им в зелёном доме.
Ласкает ветер жёсть листвы.
Их не увидишь в буреломе,
Не склонят гордой головы.
Им нипочём любая сила,
Ни жадный короед, ни тля.
Бессмертья соками поила
Их наша щедрая земля.
Богатства наши умножая,
Им с этой суждено поры
Быть на охране урожая
Полей колхозных Астары.
Лесничий шутит:
– Что лесничий!
Сюда бы надо кузнеца.
Вошёл бы в наш лесной обычай,
Стучи и слушай щебет птичий –
Работы б не было конца...
И смотрят изумлённо люди,
Зайдя в железные леса:
Стволы здесь, как стволы орудий,
Безмолвно целят в небеса.
Стоят под кроною густою.
Когда июльский зной печёт,
Надрежь, и кажется, струёю
Металл из раны потечёт.
Сруби – побеги так и лезут,
Цветут – среди снегов зимы...
Уж если дерево – железо,
То из какого сплава мы!

Десятилетним подростком **Михаил Петраков** прошёл ужасы немецкой оккупации. Точно так же стоял над пепелищем дома его погодок Юрий Гагарин. И не их ли видел отступающий с войсками Симонов: «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,/ Как шли бесконечные, злые дожди,/ Как кринки несли нам усталые женщины,/ Прижав, как детей, от дождя их к груди?»

С 1951 года жизнь Петракова связана с армией: рядовой, сержант, офицер, корреспондент газеты Бакинского военного округа «На страже», а после выхода в запас – ответственный секретарь журнала «Литературный Азербайджан». Женится на дочке генерала. Стихи издавались в журналах «Советский воин», «Юность» и персональных книгах: «Встреча с юностью» (1963), «Ясность» (1970), «Звезда в горсти» (1976), «Память» (1982), «Есть такая страна» (1987) (для детей). Уехал из Баку в начале 90-х.

Михаила Петровича Петракова вспоминают как человека очень любезного и по-военному чёткого. Эта честная прямота, опушённая лирической чуткостью, характерна и для его стихов.

Михаил Петраков

Романтика

**Гимнастёрку надев, и в палатке, в песках,
поселившись вдали от дорог,
я романтику в жизни солдатской искал,
но найти её так и не мог.
Было всё в наших буднях: и ночи без сна,
и горячка учебных боёв,
и тревожный, волнующий вой ревуна...
Только не было светлой – её.
Просто так же, как все, я стоял на постах,
просто драил на кухне котёл,
углублялся в конспекты, уставы листал,
чучела на занятиях колол.
Просто в баню ходил не один, а в строю,
на плацу не жалел своих ног,
и винтовку свою, как невесту свою,
по совету сержанта берёг.
Просто пел по приказу старшин, как друзья,
мок в походах под ситом дождя...
А что это и было романтикой – я
понял, только в запас уходя.**

**Как живётся ей? Дружится с кем ей сейчас?
От рассветной зари дотемна
так ли ищут её заменившие нас?
Ей нельзя, ох, нельзя увольняться в запас.
Пусть бессрочную служит она.**

В 1943 году в СССР открылись девять суворовских училищ, и девятилетнего Стасика (в числе 70 ребят из Азербайджана) приняли в Ставропольское суворовское училище, после окончания которого в 1952 году его учёба продолжилась в Тбилисском высшем пехотном училище.

Станислав Савельев служил в различных структурах Закавказского военного округа, в частности – редактором дивизионной газеты. Публиковался также в центральной военной периодике: газете «Красная звезда», журнале «Советский воин». Заочно получил юридическое образование и, выйдя в запас в 1966 году, работал уже по этой специальности в нефтяной промышленности Азербайджана.

Судьба, не считаясь с желаниями подростка, сразу указала ему Путь. Но на этом не-сентиментальном пути Савельев сумел не расплескать мечтательные порывы души. Стих его лаконичен и скуп, как и всякое военное бытие, но поэзия, по своей сути, всегда сдержанна. Сдержанный – это значит есть, что сдерживать.

Савельев умер в 2005 году, при жизни выпустив два сборника: «Кавказская тетрадь» (2001) и «Резонанс» (2002). Вдова – Елена Раскина – передала в «Литературный Азербайджан» семь машинописных, вручную переплетённых книжек, стихи из которых время от времени печатаются на страницах журнала.

Станислав Савельев

Блокадная ёлка

**На новогодней ёлке
В блокадном Ленинграде
Мальчишки и девчонки
Притихшие сидят –
На тонкой-тонкой коже
Давно остыл румянец,
И руки как тростинки,
Не дети – старички.
И смотрят безучастно
Стеклянными глазами,
Как фокусник с таким же
Заморенным лицом
Показывает трюки
Из довоенных лет.
А им бы так хотелось,
Чтоб этот знаменитый
И всемогущий маг
Один простейший фокус
Извлёк из арсенала:
Чтоб палочкой волшебной
Взмахнул он над шкатулкой
И по горбушке хлеба
Им каждому вручил.
Но фокусник бессилен
Перед такой задачей.
И ёлка виновато
Глядит в глаза ребятам,
Блестят на ней игрушки
Из давних-давних дней.**

«Я с сигаретой и ещё Уолт Уитмен...»

Даря свою книгу журналистке Аише Ахундовой, услышал в ответ: «И мой папа сочинял стихи. Его кумиры – Уитмен и Лорка. Читал наизусть «Облако в штанах» Маяковского». Сказанного было достаточно, чтобы я загорелся, заранее симпатизируя неизвестному прежде человеку, ведь Уитмен и Лорка – и для меня знаковые фигуры. И у меня к стене пришпилена фотография бородатого Хэма. Это как пароль и отзыв, при помощи которых опознаёшь «своих». А потом состоялось знакомство – Искендер Ахундов

хоть и умер в 2009 году, но стихи единственной его книжки 1968 года «Капли звуков» были настоящие: прозрачные, наивные, с романтическим флёром далёкой эпохи.

Почитание Уитмена было таково, что Искендер Ахундов, рискуя репутацией уважаемого человека, решился даже «позабывать» вернуть в библиотеку редчайшую книгу в красном переплёте – «Листья травы». Позже нашёлся образ, выражающий величие Моби Дика американской поэзии: *«Море – маленькое зеркальце,/ море отражает часть твою,/ твой глаз или мизинец – / море не может вместить тебя всего»*. А в книге ЮНЕСКО 1976 года, приуроченной к скорбной дате расстрела Фредерико Лорки, выступило много поэтов, и лишь двое из Советского Союза: Евтушенко и Ахундов: *«В ночь лунную и светлую/ Нельзя ведь убивать...»*

И Назым Хикмет! Поэт революции. И не только социальной. Какой азербайджанский поэт не «делал» себя под Хикмета, не шагал его проторенной дорогой свободного метра.

Искендер Ахундов родился 11 октября 1935 года в городе Баку. Учился в школе №171, высшее образование получал в Московском полиграфическом институте (1955 – 1960 г.). Работал в бакинских издательствах «Азернешр», «Маариф», ответственным секретарём в журнале «Агитатор», а затем был переведён на партийную работу в ЦК КП Азербайджана – прошёл путь от инструктора до заведующего отделом пропаганды и агитации (1967 – 1975 г.).

«Прошу принять меня в партию!/ Не надо вопросов лишних: Почему, да как, когда?/ Это решено и выпестовано/ В самых-самых глубинах меня...» – кажется, эти строки не показные, многие свои поэтические признания Искендер Ахундов подтвердил поступками. Прадед его служил переводчиком у царского генерал-губернатора, дед Искендербек – известный юрист – работал в правительстве Азербайджанской Демократической Республики. Бекский род пострадал от большевиков, но суть интеллигенции в том и заключается – служить народу при любой власти. Ибо власть преходяща. А что социализм? Согласно Марксу, социализм неизбежен. И даже советский социализм – неправильный, настоянный на большой крови и принуждении, – ковал людей сурового и высокого духа.

К тому времени относится и «Портрет молодого поэта» – только набравшего высоту Тогрула Нариманбекова. (Тогрул и Искендер были свояками; у Ахундова есть стихотворение «Старушка», посвящённое художнику: «Голубая-голубая Синяя Старушка!») Об этом портрете хорошо написала Эльмира Алиева (в те времена – спецкор «Известий»): *«...озарённое внутренним светом тонкое юношеское лицо... Устремлённый в неизвестность задумчивый, мечтательный взгляд. Разлёт широких бровей и нестандартный разрез огромных глаз, поражающих глубиной... А по резко очерченным губам скользит едва уловимая улыбка... Такими, кажется, изображали раньше героев восточных миниатюр»*. Эльмира Алиева хорошо знает, что пишет. Однажды после очередной статьи в «Известиях» (о такой проблеме урбанизации – как возникающая между соседями отчуждённость, что противоречит характеру азербайджанцев – людей восточных, общительных, привыкших жить одной мехаллей) её вызвали в высокий кабинет, где усмотрели в материале некий подтекст, и одним из её защитников оказался Искендер Ахундов. Когда журналистка благодарилась Ахундова, он засмеялся: «Какой героизм? Элементарная порядочность».

Недаром его поэтическая пьеса называлась «Поэт и совесть». В ней повествуется о Поэте, предавшем арестованного друга и возлюбленную, и теперь оставшемся наедине со своей Совестью. *«Совесть: Что сделал ты потом? Поэт: Я написал стихи во славу Зевса. А что я мог? Был век таков. И я боялся. И меня могли послать туда, откуда не было возврата. Мне было страшно. Но хуже мне сейчас, когда терзаюсь прошлого тенями»*. Поэт гибнет под троллейбусом. Новый Муж возлюбленной Поэта в финале говорит в зал: *«К чертям дыхание, когда за ним сокрыта правда, как за забором. К чертям ток крови, когда по жилам вместо крови – жижа. К чертям свободу, когда она молчаньем куплена. Нет, я не смог бы так, да пусть пять жён висели бы на мне. (Гудок катера). Вот и смена пришла. Пойду встречать»*. Пьеса имела успех в дипломной постановке студентов актёрского факультета Азербайджанского института искусств.

Родители – врачи, четыре его сестры, легендарные уже при жизни, двоюродный брат – композитор Кара Караев, свояк – художник Тогрул, начальник по работе Теймур Алиев (а ещё и детский поэт! творивший под псевдонимом Эльчин, известный и как переводчик Маршака и Чуковского, для Мухи-Цокотухи нашедший удачный эквивалент: Милчек-визилчек; однако Первый секретарь однажды вызвал на ковёр и предупредил: выбирайте – партийная работа или стихи) – вот ближнее окружение Ахундова, в спорах и беседах с ними на самые разные темы формировалось его жизненное кредо.

Не забудем и народного поэта Расула Рза, которого Искендер считал учителем, в доме которого часто бывал. Квартира на втором этаже Пассажа, на пересечении улиц двух революционеров – Карганова и Ефима Саратовца, кто бы мог подумать: улицы переименуют в имена двух поэтов – Расула Рза и его супруги Нияр Рафибейли. (И после смерти нерасторжима их связь – каменным объятием перекрёстка.) Расулу Рза посвящено стихотворение «Руки»: «Если после рукопожатия/ Не хочется вымыть руку,/ Да живёт такая Рука!» А образ Уитмена и моря? Не навеян ли он строками Расула Рза: «Не вместится душа моя/ В необъятный простор.../ Море – всё – в мою умещается душу». И ещё учителя – книги. День зарплаты – это поход по книжным магазинам, библиотека Ахундова насчитывала около трёх тысяч томов. Неизвестно, как бы сложилась его партийная карьера. (Да и могла ли сложиться? – что значит только имя, данное в атеистическом государстве дочери – Аиша – по-арабски «благоденствующая». Конечно, в честь бабушки, но на Востоке знают все: имя жены Пророка.) Но в 1975 году случилось ЧП. В газете вышла критическая статья, а секретарь Гейчая скупил и сжёг весь тираж. Секретаря арестовали, полетели и другие головы, в том числе и не уследившего Ахундова. Сначала он работал в Москве старшим научным сотрудником в Институте Ближнего и Среднего Востока (1975 – 1981 г.), а потом на долгие 10 лет переехал в Великие Луки – заведующим кафедрой общественных наук Института физкультуры.

Весеннее половодье перестройки, выйдя из берегов разором, гудом, растекалось по стране. В Азербайджане назревала серьёзная ситуация, соседняя Армения посягнула на её земли. Оправдалось ещё одно поэтическое откровение Ахундова (не забудем – из книги 1968 года!): «Да если б руки у меня отняли,/ Лишили зрения и слуха,/ Я притащился бы к тебе,/ Почуяв запах,/ Родимый запах матери земли./ Я вскормлен нефтью./ Мне ветер песню пел/ И нёс на крыльях.../ Огни твои зовут./ И я вернусь к тебе,/ Где б ни был./ Я не паломником/ Приду к тебе на поклоненье,/ Не в гости –/ Я временно могу уехать в гости,/ Чтоб вновь к тебе вернуться,/ Мой отчий дом,/ Моя земля,/ Мой край, Азербайджан...» За большим столом, заваленном справочниками, запершись в бакинской квартире, Ахундов пишет и пишет, пытаясь осмыслить новые времена. Одна из его статей называлась «А был ли армянский геноцид?»

Как жаль, что несломленному духу приходится ютиться в преходящем теле.

Что наша жизнь? Капли звуков, не поймёшь: в Вечности то ли пребывают, то ли убывают.

Искендер Ахундов

Кольцо, ставшее отрезком прямой

**Меня втолкнули в орбиту кольца,
Сказали: – Ищи конец.
Я бежал по кольцу,
Как спица,
Конца не было.
Ноги радиусами отмеривали дуги,
Дуги макаронинами отлетали назад.
Я бежал: – Где конец?**

И когда стало невмочь бежать,
Ноги перестали мельтешить,
В какой-то точке упершись,
Я сказал: – Здесь конец.
Кольцо разорвалось,
Выпрямилось,
Стало отрезком прямой.

Гранат

Когда я маленьким мальчонкой
Мусолил носом куртки рукава,
Был мир,
Где верещали птицы,
Где дни летели
Пёстрой каруселью,
Где зрел инжир
В начале сентября.
Где поздней осенью
Алел гранат среди листьев,
Где раннюю весной
Гранатовые ветви
Усеивались красными цветами.
Когда я маленьким мальчонкой
Стоял в саду,
Ища разгадку
Простеньким загадкам,
Мне захотелось
Стать творцом живого.
Я оторвал от ветки
Недавно распутившийся побег
И спрятал в мякоти
Податливой земли.
А через год
На том же месте
Пробился из земли
Росток.
Он был не выше
Самой низкой кочки,
Но на вершине
Бусинкой коралла
Средь сочной зелени травы
Алел гранатовый цветок.
И я поверил
В творчество своё...